

I

Благодарный народ

20 августа 1672 года город Гаага, такой оживленный, чистенький и нарядный, будто в нем каждый день воскресенье, город Гаага со своим тенистым парком и большими деревьями, что склоняются над готическими зданиями, а в зеркальной глади его широких каналов отражаются колокольни с почти восточными куполами, в тот день город Гаага, столица Семи соединенных провинций, был охвачен крайним возбуждением. Все его артерии наполнились черно-красным потоком торопливых, запыхавшихся и встревоженных горожан, которые сбегались отовсюду кто с ножом за поясом, кто с мушкетом на плече или дубьем в руке к Байтенхофу, впечатляющей тюрьме, чьи зарешеченные окна еще и сегодня показывают приезжим, а в то время там томился Корнелий де Витт, брат Яна де Витта, бывшего великого пенсионария Голландии, обвиненный по доносу хирурга Тикелара в покушении на убийство.

Если бы история той эпохи и особенно того года, в середине которого мы начинаем свой рассказ, не была нерасторжимо связана с двумя только что упомянутыми именами, любые наши пояснения касательно них могли бы показаться совершенно излишними; однако, хотя мы уже с первых строк обещаем

нашему старому другу читателю удовольствие от романа (и по возможности постараемся сдержать свое слово на последующих страницах), нам все-таки приходится предупредить его, что эти пояснения совершенно необходимы — как для ясности самого рассказа, так и для понимания сути того выдающегося политического события, что служит ему обрамлением.

Корнелию, или Корнелиусу, де Витту, руварду Пюттена, то есть инспектору плотин этой области, бывшему бургомистру своего родного города Дордрехта и депутату Генеральных штатов, было сорок восемь лет, когда голландский народ, уставший от республики в понимании его брата, великого пенсионария Голландии, проникся неистовой любовью к верховной власти штатгальтера, которую раз и навсегда упразднил в Соединенных провинциях «Вечный эдикт», навязанный Яном де Виттом их правительству.

Поскольку редко бывает, чтобы зараженное капризным непостоянством общественное мнение не углядело бы за действующим правилом образ какого-либо конкретного человека, то за республикой народу виделись суровые лица братьев де Витт, этих голландских римлян, несгибаемых приверженцев свободы без распушенности и процветания без излишеств, которые высокомерно гнушались потакать национальным наклонностям; а штатгальтерство для него олицетворяло задумчиво склоненное чело молодого Вильгельма Оранского, серьезного и немногословного принца, которого современники нарекли Молчаливым, а потомки подхватили это прозвище.

Оба де Витта осторожно обхаживали Людовика XIV, чувствуя его неуклонно растущее влияние в Европе, особенно после успеха блестяще проведенной французами Рейнской кампании, всего за три месяца обрушившей могущество Соединенных провинций (ее еще прославил граф де Гиш, прозванный «романным героем», и воспел Буало).

Людовик XIV был давним врагом голландцев, которые либо оскорбляли его, либо вовсе высмеивали, правда, почти всегда устами беглых французов, укrywшихся от гонений в Голландии. Национальная гордыня голландцев превращала его в некоего новоявленного Митридата, угрожавшего их республике. Так что де Витты навлекли на себя сугубое недовольство, в котором объединились сопротивление власти, борющейся против склонностей нации, и естественная усталость любого побежденного народа, лелеющего надежду, что от поражения и позора его сумеет спасти другой вождь.

Этим другим вождем, уже готовым появиться и бросить вызов Людовику XIV, каким бы громадным ни казался его будущий успех, стал Вильгельм, принц Оранский, сын Вильгельма II и внук короля Англии Карла I через Генриетту Стюарт. И вот за спиной этого молчаливого юноши люди и увидели вновь замаячившую тень штатгальтерства.

В 1672 году ему исполнилось двадцать два года. Воспитывал его Ян де Витт, постаравшийся вырастить из бывшего принца хорошего гражданина, но при этом из-за своей любви к отчизне, которая перебила в нем любовь к воспитаннику, он отнял у того посредством своего «Вечного эдикта» всякую надежду на штатгальтерство. Но Бог посмеялся над людскими притязаниями возносить и свергать влас-

тителей земных, не посоветовавшись с Царем Небесным, и, воспользовавшись непостоянством голландцев, а также ужасом, который внушал им Людовик XIV, изменил политику великого пенсионария и отменил его «Вечный эдикт», тем самым восстановив штатгальтерство для Вильгельма Оранского, на которого имел свои виды, пока еще сокрытые в таинственных глубинах грядущего.

Великий пенсионарий покорился желанию своих сограждан; но Корнелий де Витт проявил больше строптивости и, несмотря на угрозы своей жизни со стороны оранжистской черни, осадившей его дом в Дордрехте, отказался подписывать акт, который восстанавливал штатгальтерство в стране.

Лишь уступая слезам жены, умолявшей мужа подчиниться воле народа, он все-таки поставил под этим документом свою подпись, хотя и добавил к ней две буквы: «V. C.», *vi coactus*, то есть «насильно принужденный».

Было настоящим чудом, что ему удалось спастись в тот день от своих врагов.

Однако Яну де Витту, проявившему больше стоворчивости перед волей сограждан, это отнюдь не принесло пользы. Спустя несколько дней после подписания акта его попытались убить. Но он, хоть и пронзенный несколькими ударами кинжала, все же сумел выжить.

Это нисколько не удовлетворило оранжистов. Оставаясь в живых, братья де Витт были постоянным препятствием для осуществления их планов, а потому приверженцы принца временно изменили свою тактику и попытались при помощи клеветы совершить то, чего не смогли добиться кинжалом, дабы позже, при случае, довершить второе первым.

Довольно редко бывает, чтобы в нужный момент у Бога под рукой оказался великий человек для свершения великого деяния, вот почему, когда по воле Провидения такое счастливое совпадение все-таки случается, история сразу же отмечает своего избранника, оставляя его имя в памяти восхищенных потомков.

Но когда в человеческие дела вмешивается дьявол, желая погубить чью-либо жизнь или повергнуть в прах целую империю, у него под рукой непременно обнаруживается какое-нибудь ничтожество, которому довольно шепнуть одно лишь словечко на ухо, чтобы тот незамедлительно принялся за дело.

В сложившихся обстоятельствах этим ничтожеством, расположенным стать пособником злого духа, оказался некто по имени Тикелар, хирург по своему ремеслу.

Он заявил, что Корнелий де Витт, впав в отчаяние из-за отмены «Вечного эдикта» (о чем, собственно, свидетельствовала его приписка «V. C.» к своей подписи) и пылая ненавистью к Вильгельму Оранскому, решил нанять убийцу, который избавил бы республику от нового штатгальтера. Остановив свой выбор на Тикеларе, он якобы стал склонять его к этому. Однако лекарь, мучимый угрызениями совести при одной только мысли о злодействе, которого от него требовали, предпочел скорее изобличить преступление, нежели совершить его.

Теперь вполне можно вообразить, какой взрыв возмущения произвела среди оранжистов новость об этом заговоре. Фискальный прокурор приказал арестовать Корнелия в его собственном доме, а 16 марта 1672 года руварда Пюттена, благородного брата Яна де Витта подвергли в тюрьме Байтенхоф предвари-

тельной пытке, словно какого-нибудь гнусного преступника, надеясь вырвать у него признание в заговоре против Вильгельма Оранского.

Однако Корнелий был наделен не только выдающимся умом, но и выдающейся стойкостью: он принадлежал к племени тех верных своим политическим убеждениям мучеников, которые лишь улыбаются, претерпевая истязания, и, подобно своим предкам, остаются непоколебимы в своей вере. Во время пытки он твердым голосом декламировал первую строфу «*Justum et tenacem*» Горация, да так ни в чем и не сознался, тем самым не только изрядно утомив своих палачей, но и посрамив их изуверский фанатизм.

Тем не менее судьи не выдвинули против Тикелара никаких обвинений, а Корнелию вынесли приговор, которым лишали его всех должностей и званий, вынуждали к уплате судебных издержек и на веки вечные изгоняли за пределы республики.

Приговор, вынесенный не только невиновному, но вдобавок еще и выдающемуся гражданину, смог лишь отчасти приглушить недовольство народа, интересам которого так преданно служил Корнелий де Витт. Хотя, как мы увидим позже, этого оказалось недостаточно.

Древние афиняне, вполне заслужившие свою репутацию неблагодарных, все же уступают в этом отношении голландцам. По крайней мере, в случае с Аристидом они удовлетворились просто его изгнанием.

Едва слышав о предъявленных брату обвинениях, Ян де Витт сложил с себя полномочия великого пенсионария. Он был не менее достойно вознагражден за свою преданность стране и, возвращаясь

к частной жизни, унес с собой лишь печали и обиды — то единственное, что чаще всего достается порядочным людям, повинным лишь в самозабвенном служении на благо отечества.

Тем временем Вильгельм Оранский всеми доступными ему средствами пытался ускорить ход событий, с нетерпением ожидая, чтобы народ, чьим кумиром он являлся, соорудил для него из трупов обоих братьев необходимые ступеньки, ведущие к верховной штатгальтерской власти.

И вот 20 августа 1672 года, как мы уже сказали в начале этой главы, весь город сбежался к стенам Байтенхофа, чтобы присутствовать при освобождении из тюрьмы отправлявшегося в изгнание Корнелия де Витта и полюбоваться на следы пыток, оставленные на теле этого благородного мужа, который так хорошо знал своего Горация.

Поспешим также добавить, что отнюдь не всех в устремившейся туда толпе обуревало невинное желание поглазеть на знаменательное зрелище; многие в их рядах намеревались сыграть совсем иную роль, вернее, доделать некую работу, которую они находили плохо исполненной.

Мы говорим о работе палача.

Хотя среди тех, кто поспешал к зданию тюрьмы, имелись и просто зеваки, которыми двигали гораздо менее враждебные намерения. Для них это было всего лишь весьма притягательным для толпы зрелищем — ведь ее инстинктивному самодовольству льстит, когда тот, кто долго возвышался над ней во весь свой рост, теперь повергнут во прах.

Разве этот Корнелий де Витт, хоть про него и говорили, что он бесстрашен, не побывал в заточении, не ослаблен пыткой? Все ожидали увидеть его блед-

ным, окровавленным, униженным. Не прекрасный ли это триумф для буржуазии, еще более завистливой, нежели простонародье, триумф, в котором каждый добропорядочный гаагский горожанин должен принять участие?

Да к тому же, — рассуждали оранжистские подстрекатели, ловко смешавшиеся с толпой, которой намеревались манипулировать, словно острым и одновременно тупым орудием, — быть может, по пути от Байтенхофа до городских ворот подвернется случай швырнуть грязью или даже камнем в этого руварда Пюттена, который не только вернул принцу Оранскому штатгальтерство, лишь будучи «насильно принужденным», но вдобавок еще и хотел убить его?

А тут еще масла в огонь подливали непримиримые враги Франции, нашептывая, что если в Гааге найдутся смельчаки и все сделают правильно, то ни в какое изгнание Корнелий де Витт не отправится, потому что стоит ему только оказаться за городскими стенами, как он начнет плести свои французские интриги и заживет припеваючи на золото маркиза де Лувуа вместе со своим братцем Яном, великим негодяем и предателем.

Как можно догадаться, зеваки, обуреваемые подобными настроениями, обычно стремглав летят к месту зрелища, чтобы ничего не пропустить, а отнюдь не идут туда степенным шагом. Потому-то обыватели Гааги так быстро и сбежались к Байтенхофу.

Среди тех, кто торопился туда больше других, пылая неистовой злобой в сердце, хотя и не очень-то зная, что ему там делать, был достопочтенный Тикелар, с которым оранжисты носились как с оли-

цетворением порядочности, национальной чести и христианского милосердия.

Этот завзятый мерзавец пускал в ход все краски своего воображения и силы остроумия, расписывая, как Корнелий де Витт покушался на его добродетель, какие суммы ему сулил и какую адскую машину измыслил, дабы устранить для него, Тикелара, все препятствия, связанные с покушением.

И разумеется, каждая фраза его речей, которые жадно ловила чернь, вздымала то восторженные возгласы, выражавшие любовь к принцу Вильгельму, то исполненные слепой ярости вопли, обращенные к братьям де Витт.

Толпа уже была готова проклинать неправедных судей, чей приговор позволял улизнуть подобру-поздорову одному из гнуснейших преступников, каким был этот негодяй Корнелий.

А подстрекатели все нашептывали:

— Он уйдет! Ускользнет от нас!

На что другие поддакивали:

— Его уже французский корабль ждет в Схевенингене. Тикелар его видел.

— О, Тикелар! Какой смельчак! Тикелар! Честный малый! — разволновалась толпа.

Чей-то голос сказал:

— Между прочим, коли Корнелий сбежит, то и Ян тоже, а ведь он предатель не меньше своего братца.

— И оба гада будут проедать во Франции наши деньги — деньги за наши корабли, наши арсеналы, наши верфи, которые они продали Людовику Французскому!

— Не дадим им уйти! — крикнул какой-то патриот, более пламенный, чем остальные.

— К тюрьме! К тюрьме! — хором скандировала толпа.

И в ответ на эти призывы горожане ускорили шаг, на бегу заряжая мушкеты; сверкали топоры, пылали глаза.

Тем не менее никакое насилие пока не свершилось, и шеренга всадников, охранявшая подступы к Байтенхофу, оставалась невозмутимой, спокойной, молчаливой, но выглядела в своем хладнокровии гораздо более грозной, чем вся несметная толпа горожан с их воплями, возбуждением и проклятьями. Их командир, капитан де Тилли, возглавлявший кавалерию Гааги, присматривал за неподвижным строем своих людей, держа обнаженную шпагу наготове, острием к стремяни.

Этот отряд, единственный барьер, преграждавший путь в тюрьму, был вынужден сдерживать не только беспорядочные и шумные народные массы, но также роту городских ополченцев, выстроившихся лицом к Байтенхофу; хоть они и были присланы, чтобы сообща с солдатами блюсти порядок, однако подавали смутьянам дурной пример, подстрекательски крича вместе с ними:

— Да здравствует принц Оранский! Долой предателей!

Присутствие графа де Тилли и его кавалеристов поначалу сдерживало пыл всех этих вооруженных горожан; но немного погодя ополченцы изрядно расхрабрились от собственных криков, а поскольку им было невдомек, как можно сохранять мужество, не подбадривая себя с помощью глотки, то они приписали молчание всадников их робости и сделали первый шаг в сторону тюрьмы, увлекая за собой остальную толпу.

Граф де Тилли нахмурился и, подняв шпагу, двинулся на своей лошади им навстречу.

— Эй, господа ополченцы, — спросил он, — почему вы покинули строй? Чего вам надо?

Те, потрясая мушкетами, снова заорали:

— Да здравствует принц Оранский! Смерть предателям!

— «Да здравствует принц Оранский?» — переспросил капитан. — Ладно, пусть будет так, хотя сам я предпочитаю лица повеселее, не такие угрюмые. И если угодно, «Смерть предателям!», пока дальше криков дело не зашло. Кричите «Смерть предателям!» сколько вам заблагорассудится, но если и впрямь захотите их умертвить, то я здесь для того, чтобы этому помешать. И я помешаю.

После чего обернулся к своим людям и крикнул:

— Солдаты, оружие к бою!

Те исполнили приказ командира со спокойной точностью, которая заставила ополченцев и народ немедленно попятиться. При виде их замешательства кавалерийский офицер усмехнулся.

— Эй, вы, там! — обратился он к столпившимся на площади тем насмешливым тоном, который отличает профессиональных военных. — Успокойтесь, господа мещане, мои солдаты не выстрелят без приказа. Но и вы не сделаете к тюрьме ни шага.

— А вам известно, господин офицер, что у нас есть мушкеты? — бросил ему разъяренный предводитель ополченцев.

— Я, черт побери, вижу, что у вас есть мушкеты, — сказал Тилли, — вы достаточно долго мозолили мне ими глаза, но заметьте, что у нас имеются пистолеты, которые превосходно бьют на пятьдесят шагов, а вы всего лишь в двадцати пяти.

— Смерть предателям! — снова закричала рота выведенных из себя ополченцев.

— Ба! Вы все галдычите одно и то же, — проворчал офицер, — как это скучно.

И он снова занял свое место во главе отряда, в то время как волнение вокруг Байтенхофа продолжало нарастать.

Однако разгоряченный народ не знал, что как раз в тот самый момент, когда он почуял кровь одной из жертв, другая его жертва, словно спеша навстречу своей судьбе, направлялась в Байтенхоф и проходила всего в сотне шагов от площади, не замеченная ни разъяренными горожанами, ни отрядом кавалеристов.

И действительно, Ян де Витт, выйдя из кареты в сопровождении своего слуги, спокойно шел пешком через передний двор тюрьмы.

Он представился тюремному привратнику, которому, впрочем, и без того был известен, и сказал:

— Здравствуй, Грифус, я приехал за моим братом Корнелием, чтобы увезти его из города. Как ты знаешь, он приговорен к изгнанию.

Привратник, похожий на дрессированного медведя, обученного открывать и закрывать дверь, ответил на приветствие Яна де Витта и впустил его в здание, после чего задвинул за ним засов.

Пройдя десять шагов, Ян де Витт встретил красивую девушку лет шестнадцати-восемнадцати во фризском костюме, которая сделала ему прелестный реверанс.

— Здравствуй, красавица Роза, добрая душа, — сказал он, ласково взяв ее за подбородок. — Как себя чувствует мой брат?

— О, господин Ян, — ответила девушка, — я боюсь за него. Но не из-за того зла, которое ему причинили, оно уже в прошлом.

— Тогда чего же ты боишься, моя красавица?

— Я боюсь зла, которое ему хотят причинить.

— Ах да, — сказал де Витт, — ты говоришь об этих людях, верно?

— Вы их слышите?

— Да, действительно, они сильно возбуждены. Но поскольку мы ничего, кроме добра, им не делали, может, они успокоятся, когда увидят нас?

— К несчастью, этого недостаточно, — прошептала девушка и удалилась, подчиняясь повелительному жесту отца.

— Увы, дитя мое; к сожалению, ты права. — И Ян де Витт двинулся дальше, бормоча на ходу: — Эта совсем юная девушка, которая, наверное, и читать-то не умеет, а значит, никогда ничего не читала, только что парой слов подвела итог всей человеческой истории.

И все такой же спокойный, хотя и более печальный, чем когда входил сюда, бывший великий пенсионарий продолжил путь к камере своего брата.

II

Два брата

Дурные предчувствия не обманули красавицу Розу: в то время как Ян де Витт поднимался по каменной лестнице, ведущей к застенку своего брата Корнелия, городское ополчение всячески пыталось отеснить от прохода к тюрьме мешавший ему отряд Тилли.

Видевший это народ оценил добрые намерения своего ополчения и кричал во всю глотку:

— Да здравствуют ополченцы!

Что касается капитана де Тилли, то он, столь же осторожный, сколь и твердый, вел переговоры с ротой вооруженных горожан под прикрытием заряженных пистолетов своего эскадрона, втолковывая им приказ, полученный от правительства и предписывавший ему охранять тремя взводами площадь перед тюрьмой и ее окрестности.

— С чего бы такой приказ? Зачем охранять тюрьму? — кричали оранжисты.

— Э! — пожимал плечами господин де Тилли. — Вы задаете больше вопросов, чем у меня найдется ответов. Мне сказали: «Охраняйте» — вот я и охраняю. Господа, вы же сами почти военные и должны знать, что приказы не обсуждаются.

— Но вам дали этот приказ, чтобы предатели смогли выбраться из города!

— Вполне вероятно, поскольку эти предатели приговорены к изгнанию, — отвечал Тилли.

— И кто же отдал этот приказ?

— Генеральные штаты, черт возьми!

— Значит, в штатах завелись предатели.

— Об этом мне ничего не известно.

— И вы сами предатель.

— Я?

— Да, вы.

— Вот как? Помилуйте, господа, будем рассудительны, кого же я предаю? Штаты? Но в чем мое предательство, раз я состою у них на жалованье и неукоснительно выполняю их приказы?

Поскольку граф был совершенно прав и на его слова было невозможно что-либо возразить, вопли

и угрозы удвоились — ужасающие вопли и угрозы, на которые граф отвечал со всей возможной учтивостью:

— Господа горожане, ради бога, разрядите ваши мушкеты, иначе может произойти случайный выстрел, и если он ранит одного из моих людей, мы уложим две сотни ваших, чем будем крайне огорчены, а вы и того больше, хотя ведь ни вы, ни мы не хотим ничего подобного, верно?

— Если вы это сделаете, — кричали ему в ответ, — мы тоже откроем по вам огонь!

— Да, но даже открыв по нам огонь и убив нас всех до единого, вы все равно не воскресите убитых нами.

— Уйдите с площади, и вы поступите как добрый гражданин.

— Во-первых, я не гражданин, — сказал Тилли, — я офицер, а это совсем другое дело; к тому же я не голландец, а француз, что делает разницу еще больше. Поэтому я признаю только Генеральные штаты, которые мне платят. Принесите мне от Генеральных штатов приказ уйти, и я в тот же миг развернусь и покину площадь, тем более что мне здесь уже порядком осточертело.

— Да, да! — закричала сотня голосов, к которой через мгновение присоединились пять сотен других. — Идем к ратуше! К депутатам! Пошли, пошли!

— Так-то вот, — пробормотал Тилли, глядя, как удаляются самые одержимые, — давайте, требуйте от депутатов, чтобы они совершили эту низость, и посмотрим, пойдут ли они вам навстречу. Давайте, друзья мои, давайте.

Достойный офицер полагался на порядочность членов правительства так же, как они в свой черед полагались на его честь солдата.

— Послушайте, капитан, — шепнул графу на ухо его старший лейтенант, — надеюсь, депутаты откажут этим бешеным, но все-таки пусть сперва пришлют сюда немного подкреплений, нам бы это не помешало.

Тем временем Ян де Витт, оставленный нами на каменной лестнице после своего разговора с тюремщиком Грифусом и его дочерью Розой, подошел к двери камеры, где после предварительной пытки, которой, как уже было сказано, он был подвергнут по приказу фискального прокурора, лежал на тюфяке его брат Корнелий.

Приговор об изгнании уже был вынесен, что лишало всякого смысла дальнейшее применение пыток. Корнелий, так и не признавшись в преступлении, которого не совершал, лежал на тюремном тюфяке. После трехдневных истязаний, с раздробленными запястьями и сломанными пальцами, он наконец-то смог вздохнуть с облегчением, узнав, что судьи, от которых он ждал смерти, решили приговорить его всего лишь к отлучению от родины.

Крепкий телом и несгибаемый духом, он весьма разочаровал бы своих врагов, если бы те смогли видеть, как в полумраке байтенхофского застенка на его бледном лице светится улыбка мученика, забывшего обо всей мерзости земной, с тех пор как наслаждался сиянием Небес.

Благодаря скорее напряжению собственной воли, нежели реальной помощи рувард собрал все свои силы и теперь подсчитывал, сколько еще времени задержат его в тюрьме судебные проволочки.

Как раз в этот момент в камеру донеслись крики народа и городского ополчения, негодовавших против братьев, заодно угрожая расправой капитану де

Тилли, который со своими кавалеристами преградил им путь. Гневный рокот, словно волны поднимавшегося прилива, разбился у подножия стен тюрьмы и достиг ушей узника.

Но каким бы угрожающим ни был злобный гул, Корнелий не обратил на него никакого внимания или же просто решил, что не стоит вставать ради того, чтобы выглянуть в узкое зарешеченное оконце, пропускавшее извне не только дневной свет, но и звуки.

Он словно оцепенел от непрерывных страданий, эта каждодневная боль стала почти привычкой. Наконец-то он с наслаждением почувствовал, что и душа его, и разум близки к освобождению от телесной обузы, ему уже казалось, что они ускользнули от пут материи и витают над ней, подобно тому как в почти погасшем очаге колышется последний язычок пламени, готовый покинуть его, чтобы подняться к небесам.

А еще он думал о своем брате.

Видимо, ему было дано почувствовать приближение брата благодаря еще не раскрытым тайнам, которые с тех пор обнаружил магнетизм. И вот когда образ Яна стал настолько реальным в мыслях Корнелия, что тот почти шептал его имя, дверь вдруг открылась и сам Ян торопливым шагом подошел к постели узника. И тот протянул свои изувеченные, перевязанные бинтами руки к этому осененному славой брату, которого ему все-таки удалось превзойти — но не услугами, оказанными стране, а ненавистью, которую питали к нему голландцы.

Ян нежно поцеловал брата в лоб и осторожно опустил на тюфяк его искалеченные руки.

— Корнелий, бедный мой брат, — сказал он, — как же вы настрадались.

— Я уже не страдаю, брат, потому что вижу вас.

— О, мой бедный дорогой Корнелий, но зато как мне больно видеть вас в такой немочи.

— Я тоже, когда меня пытали, думал не о себе, а о вас и всего один раз пожаловался, воскликнув: «Мой бедный брат!» Но вот вы здесь, так что забудем все. Ведь вы пришли за мной, правда?

— Да.

— Я уже поправился, брат; помогите мне встать — и сами увидите, как хорошо я могу ходить.

— Вам не придется долго идти, друг мой, потому что я приехал в карете, она осталась в тюремном дворе, за строем конных стрелков капитана де Тилли.

— Стрелков Тилли? Но почему же они стоят перед тюрьмой?

— Да потому что власти предполагают, — ответил великий пенсионарий с обычной для него улыбкой на печальном лице, — что жители Гааги захотят посмотреть, как вы уезжаете, и в связи с этим немало опасаются волнений.

— Волнений? — переспросил Корнелий, пристально глядя на своего смущенного брата. — Волнений?

— Да, Корнелий.

— Так вот что я недавно слышал, — вымолвил узник, словно говоря сам с собой. После чего снова обратился к Яну: — Значит, Байтенхоф окружен народом?

— Да, брат.

— Но тогда, чтобы добраться сюда...

— Ну же, спрашивайте.

— Как они вас пропустили?

— Вы же прекрасно знаете, Корнелий, что нас не слишком любят, — с горечью заметил великий пенсионарий. — Я выбрал объездной путь по боковым улочкам.

— Неужели вы прятались, Ян?

— У меня была цель — добраться сюда как можно скорее, поэтому я сделал то, что делают в политике и на море, когда дует встречный ветер: лавировал.

В этот миг с площади перед тюрьмой долетел шум. Это Тилли спорил с городскими ополченцами.

— О! О! — воскликнул Корнелий. — Вы замечательный штурман, Ян, но сомневаюсь, сможете ли вы вывести своего брата из Байтенхофа через буруны народного возмущения так же удачно, как провели флот Тромпа в Антверпен через отмели Шельды.

— С Божьей помощью, Корнелий, мы хотя бы попробуем, — ответил Ян. — Но сначала несколько слов.

— Говорите.

Снаружи снова донеслись яростные крики.

— О! О! — продолжал Корнелий. — Как разгневаны эти люди! На кого же они гневаются? На вас или на меня?

— Думаю, на нас обоих. Я же говорил вам, Корнелий: помимо прочего вздора и нелепой клеветы оранжисты обвиняют нас в том, что мы вели переговоры с Францией.

— Глупцы!

— Да, но все же они нас в этом обвиняют.

— Но ведь если бы эти переговоры увенчались успехом, они избавили бы их от поражений при Орсе, Везеле и Рейнберге; французы не перешли бы

через Рейн, и Голландия по-прежнему могла бы считать себя непобедимой среди своих топей и каналов.

— Все это верно, брат, но вот что еще вернее... это даже абсолютная истина: если бы сейчас нашли нашу переписку с господином де Лувуа, то каким бы хорошим штурманом я ни был, мне не удалось бы спасти угловое суденышко, которое должно вывезти из Голландии братьев де Витт, вынужденных отныне искать счастья на чужбине. Эта переписка, которая доказала бы честным людям, как я люблю свою страну и на какие личные жертвы готов был пойти ради ее свободы и славы, погубила бы нас, попади она в руки оранжистов, наших победителей. Так что, Корнелий, мне хочется думать, что вы сожгли ее, прежде чем покинуть Дордрехт и приехать ко мне в Гаагу.

— Брат, — ответил Корнелий, — ваша переписка с господином де Лувуа доказывает, что вы в последнее время были самым выдающимся, самым благородным и самым ловким гражданином Соединенных провинций. Мне дорога слава моей отчизны; но не меньше дорога и ваша слава, брат, поэтому я воздержался от того, чтобы сжигать ее.

— Тогда мы погибли для этой земной жизни, — спокойно сказал бывший великий пенсионарий, подходя к окну.

— Нет, Ян, наоборот, мы одновременно спасем наши бранные тела и возродим нашу былую популярность.

— Так что же вы сделали с этими письмами?

— Я оставил их в Дордрехте у моего крестника Корнелиуса ван Баэрле, вы его знаете.

— О, бедный мальчик! Это же милый, наивный ребенок! Удивительный ученый, который знает столько всего на свете, но помышляет только о цве-

тах, которые славят Бога, и о Боге, который их сотворил! И вы, брат, взвалили на него эту смертельно опасную ношу? Бедняга Корнелиус, это же верная гибель!

— Гибель?

— Конечно, поскольку ему придется проявить либо душевную силу, либо слабость. Если он силен (а ведь как бы он ни был далек от того, что с нами случилось, как бы ни хоронил себя в Дордрехте, даже при всей его рассеянности все равно будет чудом, если он рано или поздно не узнает о нашей участи), повторяю, если он силен, то будет гордиться нами; а если слаб, испугается нашей близости к нему; если силен — сам раструбит о доверенной ему тайне; если слаб — позволит вырвать ее у себя. Но и в том и в другом случае, Корнелий, он погиб, да и мы тоже. Так что бежим скорее, брат, пока еще есть время.

Корнелий приподнялся на своем ложе и взял за руку брата, вздрогнувшего от прикосновения к его повязкам:

— Разве я не знаю своего крестника? — сказал он. — Разве я не научился читать каждую мысль в его голове, каждое чувство в его душе? Ты спрашиваешь меня, слаб ван Баэрле или силен? Он ни то ни другое, но какая разница, каков он! Гораздо важнее другое — он наверняка сохранит тайну, хотя бы потому, что даже не знает о содержимом пакета.

Ян удивленно повернулся.

— О! — продолжил Корнелий со своей мягкой улыбкой. — Тебе лучше, чем кому-либо, известно, что я воспитывался в школе выдающегося политика Яна де Витта; повторяю, брат: ван Баэрле не представляет себе ни содержания, ни важности бумаг, оставленных ему на хранение.

— Тогда скорее! — воскликнул Ян. — Потому что еще есть время, надо передать ему, чтобы он немедленно сжег пакет.

— И кто же передаст ему это распоряжение?

— Мой слуга Краке, он должен был сопроводить нас верхом; мы с ним вместе вошли в тюрьму, чтобы помочь вам спуститься по лестнице.

— Подумайте еще раз, Ян, прежде чем сжечь эти замечательные документы.

— Я полагаю, мой храбрый Корнелий, что прежде всего братьям де Витт надо спасти свою жизнь, а уж потом репутацию. Если мы погибнем, кто защитит нас, Корнелий? Кто нас хотя бы поймет?

— Так вы считаете, что они убьют нас, если найдут эти бумаги?

Ян, не отвечая брату, протянул руку, показывая на площадь перед Байтенхофом, откуда в тот миг доносились взрывы неистовых воплей.

— Да, да, — сказал Корнелий, — я тоже слышу эти крики; но не могу разобрать, к чему они призывают?

Ян открыл окно.

— Смерть предателям! — вопила чернь.

— Теперь слышите, Корнелий?

— И эти предатели — мы?! — воскликнул узник, воздев глаза к небу и пожав плечами.

— Да, мы, — подтвердил Ян.

— Где Краке?

— Ждет за дверью вашей камеры, полагаю.

— Так впустите же его.

Ян открыл дверь: верный слуга и в самом деле ждал за порогом.

— Входите, Краке, и запомните, что вам скажет мой брат.

— О нет, Ян, сказать недостаточно. К несчастью, мне придется это написать.

— Почему?

— Потому что без моего собственноручного распоряжения ван Баэрле никому не отдаст пакет и не сожжет его.

— Но сможете ли вы писать, дорогой друг? — спросил Ян, взглянув на его обожженные и покалеченные руки.

— О! Будь у меня перо и чернила, вы бы увидели! — сказал Корнелий.

— Вот по крайней мере карандаш.

— А бумага у вас найдется? Мне здесь ничего не оставили.

— Вырвите первую страницу из своей Библии.

— Хорошо.

— Но будет ли ваш почерк разборчив?

— Давайте же! — сказал Корнелий, глядя на своего брата. — Эти пальцы, которые сопротивлялись пыткам палача, и эта воля, укротившая боль, соединятся вместе ради общего усилия. Будьте покойны, брат, в моих строчках не будет заметно ни малейшей дрожи.

И действительно, Корнелий взял карандаш и начал писать.

От давления пальцев на карандаш из его открывшихся ран сквозь бинты проступили пятна крови. При виде этой крови по вискам великого пенсионера заструился пот.

Корнелий написал:

*Дорогой крестник,
сожги пакет, который я тебе доверил, сожги, не открывая его и не заглядывая вовнутрь, чтобы его содер-*

СОДЕРЖАНИЕ

I. Благодарный народ	5
II. Два брата	17
III. Воспитанник Яна де Витта	28
IV. Потрошители	40
V. Любитель тюльпанов и его сосед	52
VI. Ненависть одержимого цветовода	64
VII. Счастливец знакомится с несчастьем	73
VIII. Вторжение	87
IX. «Семейная» камера	96
X. Дочка тюремщика	102
XI. Завещание Корнелиуса ван Баэрле	108
XII. Казнь	122
XIII. Что тем временем творилось в душе одного из зрителей	127
XIV. Голуби Дордрехта	132
XV. Дверное окошечко	139
XVI. Учитель и ученица	147
XVII. Первая луковка	156
XVIII. Роза и ее воздыхатель	167
XIX. Женщина и цветок	175
XX. Что произошло за эту неделю	183
XXI. Вторая луковка	195

XXII. Раскрытие черного тюльпана	204
XXIII. Завистник	212
XXIV. Черный тюльпан меняет хозяина	221
XXV. Председатель ван Херизен	227
XXVI. Член общества цветоводов	235
XXVII. Третья луковка	246
XXVIII. Песня цветов	255
XXIX. Где ван Баэрле сводит счета с Грифусом, прежде чем покинуть Лёвештайн	265
XXX. Где мы начинаем догадываться, какая кара была уготована Корнелиусу ван Баэрле	273
XXXI. Харлем	278
XXXII. Последняя мольба	286
XXXIII. Заключение	292
Примечания. <i>И. Тарасенко</i>	299